БЮРО ЗАБЫТЫХ ОБЕЩАНИЙ

Борис Акжаркынов

Бюро забытых обещаний

«Автор»
2026

Акжаркынов Б.

Бюро забытых обещаний / Б. Акжаркынов — «Автор», 2026

Когда в последний раз вы делали что-то просто для себя, без чувства вины и оглядки на слово «надо»?У тридцатишестилетнего инженера Тимура есть всё, чтобы называться «каменной стеной»: карьера, уважение и бесконечный список чужих проблем, которые он решает по первому звонку. У успешного маркетолога Алины — престижные награды, свой бизнес и панический страх остановиться хотя бы на минуту.Однажды холодным ноябрьским вечером они оба сворачивают в незнакомый переулок и находят дверь с латунной табличкой «Бюро забытых обещаний». Здесь время замирает, а вдоль стен до потолка тянутся тысячи ящичков, в которых хранятся мечты, чувства и права, отложенные людьми «на потом». Чтобы вернуться в свой мир, Тимуру и Алине предстоит помочь тем, кто запутался в чужих ожиданиях, и наконец-то встретиться с самими собой.«Бюро забытых обещаний» — это теплая, глубокая сказка-терапия для взрослых, которые устали бежать и хотят вернуть себе вкус к настоящей жизни.

© Акжаркынов Б., 2026
© Автор, 2026

Борис Акжаркынов
Бюро забытых обещаний

БЮРО ЗАБЫТЫХ ОБЕЩАНИЙ.

Пролог.

Ноябрь, который не кончается. В больших городах между Алматы и Минском, между Москвой и Астаной ноябрь устроен одинаково. Он приходит не по календарю, а в тот самый вторник, когда утренний кофе перестает пахнуть кофе, а превращается в простое горячее топливо.В это время года люди в пуховиках и строгих пальто двигаются по проспектам с одинаковым выражением лиц — сосредоточенным, чуть сжатым, словно каждый несет на плечах невидимый бетонный блок и боится, что если на секунду остановится и выдохнет, блок рухнет и придавит всех вокруг.В такие вечера, когда ледяной дождь стучит по стеклам бизнес-центров, а пробки на развязках вытягиваются в бесконечные красные гирлянды, в городе появляется еще один адрес.Его нет ни в одном навигаторе. Его не знают курьеры, таксисты и почтальоны. Он возникает на стыке старых кирпичных переулков, там, где за спиной шумят многополосные магистрали, а впереди вдруг пахнет печным дымом, мокрой листвой и старой бумагой.На тяжелой дубовой двери, потемневшей от времени, висит небольшая латунная табличка. Буквы на ней стерлись по краям от тысяч прикосновений, но при свете одинокого фонаря их легко прочесть:«Бюро забытых обещаний. Прием круглосуточно. Без перерыва на чужую жизнь». Дверь эта никогда не заперта на замок, но открыть ее нельзя ни силой, ни отмычкой. Она поддается только тем, кто в суете больших планов, ипотек, отчетов и вечного «надо» вдруг обнаружил внутри себя странную, звенящую тишину. Ту самую, в которой уже не слышно собственного голоса.Внутри пахнет чабрецом, сухим деревом и старыми чернилами. Вдоль стен до самого потолка тянутся тысячи крошечных ящичков, похожих на аптекарские или библиотечные. В каждом из них лежит то, что человек однажды пообещал себе — и аккуратно убрал на верхнюю полку, пообещав вернуться «потом».Когда-нибудь. После квартального отчета. Когда подрастут дети. Когда закроется кредит. Когда наступит понедельник, весна или другая, более подходящая жизнь.Аркадий Петрович, человек неопределенного возраста в мягком сером жилете поверх клетчатой рубашки, поправил очки на переносице, посмотрел на старинные настенные часы с маятником и негромко усмехнулся. Маятник только что качнулся дважды подряд в одну сторону.Это означало, что сегодня вечером в дверь постучат сразу двое.

Глава 1.

Сбой в расписании

I

Тимур смотрел на чертеж, развернутый на огромном мониторе, но вместо несущих балок и узлов крепления видел только собственное отражение в темном стекле окна. За окном шел тяжелый ноябрьский снег с дождем, превращая огни вечернего проспекта в размытые желтые пятна. На часах было девять вечера. Офис строительной компании давно опустел. Даже уборщица, тетя Люба, уже заглядывала полчаса назад, покачала головой, вздохнула с тем особенным материнским укором, от которого у тридцатишестилетнего начальника отдела каждый раз сжималось что-то под ребрами, и тихо прикрыла дверь.— Поздно уже, Тимур Маратович, — сказала она тогда. — Всех денег не заработаешь, а спина у тебя одна.Он дежурно улыбнулся, поблагодарил и снова уткнулся в экран.Спина действительно ныла — тупо, привычно, как старый зуб, к которому давно притерпелся. Но встать и уйти домой Тимур не мог. Сегодня днем заказчик заморозил проект жилого квартала, над которым отдел Тимура бился последние два года. Причина была банальной и оттого еще более безнадежной: у инвесторов поменялись планы, бюджет урезали, а все согласования, бессонные ночи и сотни правок превратились в стопку никому не нужной макулатуры.Формально Тимур ни в чем не был виноват. Зарплату

ему выплатят, премию, скорее всего, тоже. Директор даже похлопал его по плечу в коридоре и сказал: «Не бери в голову, Тимур, на следующей неделе заходим на новый тендер, там объемы еще больше».Но внутри у Тимура было такое чувство, словно из него вытащили стержень.Он откинулся на спинку кожаного кресла и потер переносицу. В голове по привычке крутился список задач на завтра: позвонить поставщикам бетона, перевести деньги матери на санаторий, заехать в автосервис, проверить, оплачена ли страховка, напомнить младшему брату, чтобы не тянул с документами.Вся его жизнь состояла из таких списков. Тимур гордился тем, что на него можно положиться. Друзья знали: если случилась беда, сломалась машина на трассе или нужно срочно занять денег до зарплаты — звонить надо Тимуру. Он приедет, разрулит, договорится, подставит плечо. Мать гордилась им перед соседками: «Сын у меня — стена». Жена, с которой они развелись три года назад без скандалов, но с тихой взаимной усталостью, при расставании сказала ему странную фразу:— С тобой очень надежно, Тим. Как в бункере. Только в бункере совсем нет окон. Я там задыхаюсь.Тогда он обиделся. Решил, что она просто не ценит стабильность. А сейчас, глядя на погасший монитор, вдруг поймал себя на страшной мысли: если завтра утром у него отнять работу, списки дел и чужие проблемы, которые нужно решать, он вообще не поймет, зачем ему вставать с постели.Телефон на столе вибрировал — пришло сообщение от брата: «Тим, привет, скинь номер того юриста, про которого ты говорил, срочно надо».Тимур машинально потянулся за телефоном, но рука замерла в воздухе. Впервые за много лет он не стал отвечать сразу. Он просто выключил компьютер, надел пальто и вышел из пустого офиса.

II

В другом конце города, в банкетном зале дорогого ресторана с панорамными окнами, гремели аплодисменты.Алина стояла на небольшой сцене, держа в руках тяжелую стеклянную статуэтку с гравировкой «Лучший маркетинговый проект года», и улыбалась. Улыбка была безупречной — именно такой, какой ее учили держать на тренингах по публичным выступлениям: открытой, уверенной, чуть теплой.— Спасибо моей команде, спасибо партнерам, которые поверили в нашу смелость, — говорила она в микрофон ровным, поставленным голосом. — Эта победа доказывает, что если работать на сто двадцать процентов и не соглашаться на компромиссы, результат неизбежен.В зале снова захлопали. Коллеги поднимали бокалы, кто-то снимал ее на телефон, подруга и по совместительству заместитель Лена показывала из-за столика большой палец.Алина спустилась со сцены, приняла десяток поздравлений, сфотографировалась с организаторами, выпила полбокала сухого белого вина и через двадцать минут тихо выскользнула в гардероб.— Ты куда? — догнала ее Лена у самых дверей. — Там сейчас торт вынесут, и вообще, мы должны это отметить! Три месяца без выходных пахали!— Лен, прости, голова раскалывается, — мягко, но твердо сказала Алина, кутаясь в кашемировый шарф. — Завтра в десять созвон с новым клиентом, надо выспаться. Вы гуляйте, я все оплатила.Она вышла на улицу и жадно вдохнула холодный ноябрьский воздух.Никакой головной боли не было. Была только странная, ватная пустота. Пока она стояла на сцене с этой стеклянной наградой, ей вдруг показалось, что она смотрит на себя со стороны, через толстое аквариумное стекло. Вот красивая, ухоженная тридцатичетырехлетняя женщина в идеальном брючном костюме. Своя квартира в центре, успешное агентство, уважение на рынке, безупречная репутация.И ни капли радости. Ни единой искры.Три месяца она спала по пять часов, ела на бегу, отменяла встречи с друзьями и переносила визит к врачу ради этого проекта. Ей казалось, что вот сейчас, когда она возьмет эту статуэтку, внутри щелкнет какой-то невидимый тумблер, и придет то самое чувство: «Ну вот, теперь ты молодец. Теперь можно выдохнуть».Тумблер не щелкнул. Вместо триумфа в голове сразу включился привычный внутренний голос, холодный и требовательный: «Ну хорошо, это взяли. А дальше что? Конкуренты не спят. Если расслабишься хоть на неделю — скатишься вниз. Завтра в десять созвон, не забудь проверить презентацию».Алина вызвала такси, но, увидев на экране смартфона, что машина будет стоять в

глухой пробке еще двадцать минут, отменила заказ и пошла пешком. Ей вдруг отчаянно захотелось пройтись одной по старым тихим улицам, подальше от неоновых вывесок и громкой музыки.

III

Снег повалил гуще. Ветер кружил крупные мокрые хлопья в свете уличных фонарей.Тимур шел без цели. Он оставил машину на парковке у офиса и теперь шагал вдоль старого бульвара, засунув руки глубоко в карманы пальто. Ему не хотелось возвращаться в свою идеальную, стерильную квартиру, где пахло только свежевыстиранным бельем и тишиной.На перекрестке у старой типографии он свернул в узкий переулок, чтобы срезать путь к метро, и едва не столкнулся с женщиной, которая шла навстречу, глядя себе под ноги.Оба резко остановились.— Простите, — одновременно сказали они.Женщина подняла голову. Свет фонаря выхватил из полумрака усталые карие глаза, темные пряди волос, выбившиеся из-под берета, и тяжелую стеклянную статуэтку, которую она зачем-то несла прямо в руках, без пакета.Тимур почему-то посмотрел именно на эту статуэтку, потом снова на ее лицо и вдруг подумал, что у нее точно такой же взгляд, как у него самого час назад в отражении офисного окна — взгляд человека, который слишком долго бежал и забыл, куда именно.— Вы в порядке? — неожиданно для самого себя спросил он.Алина хотела по привычке ответить бодрое «Да, спасибо, всё отлично!», но язык словно отказался произносить дежурную ложь. Она посмотрела на высокого мужчину в темном пальто, на его усталое лицо и вдруг честно выдохнула:— Честно говоря, не очень. Кажется, я заблудилась. Хотя живу в этом районе пять лет.Тимур огляделся. И только тут понял, что не узнает это место.Они стояли в небольшом мощеном дворике, окруженном старыми двухэтажными домами из темного красного кирпича. Шум проспекта, который должен был быть буквально за углом, куда-то исчез, словно его выключили поворотом ручки. Снег здесь падал медленно, бесшумно, ложась на кованые решетки и старую брусчатку.А прямо перед ними, в глубине двора, светилось теплое желтое окно. Над тяжелой дубовой дверью горел кованый фонарь, освещая потемневшую латунную табличку.Тимур шагнул ближе и вслух прочел надпись:— «Бюро забытых обещаний. Прием круглосуточно». Это что, новая кофейня? Или квест какой-то?Алина подошла следом, с любопытством разглядывая табличку.— Не знаю. Но там горит свет, и, кажется, пахнет травяным чаем. А я ужасно замерзла.Не сговариваясь, они посмотрели друг на друга. Впервые за этот бесконечный ноябрьский вечер обоим стало чуточку легче — просто оттого, что рядом оказался кто-то, кому тоже некуда спешить.Тимур взялся за холодную медную ручку и толкнул дверь.Колокольчик над входом звякнул чисто и мелодично, как в старом кино.

IV

За дверью оказалось не кафе и не приемная с администратором за стойкой, как ожидала Алина. Они шагнули в длинный, просторный зал с высокими сводчатыми потолками, выложенными старым, потемневшим от времени кирпичом.Вдоль обеих стен, от самого пола и до темных деревянных балок под потолком, тянулись ряды узких выдвижных ящиков из темного ореха. На каждом ящичке поблескивала крошечная латунная рамка с вложенным в нее желтоватым листком бумаги — но вместо фамилий или дат на листках значились короткие, написанные от руки строчки.Алина подошла к ближайшему стеллажу и прищурилась, читая надпись на уровне глаз: «Научиться играть на аккордеоне, когда сдам сессию. Осень, 1998». Чуть правее на табличке было выведено: «Съездить на Иссык-Куль вдвоем, без телефонов и отчетов. Май, 2016». Еще ниже: «Сказать отцу, что я его давно простил. Декабрь, 2009».— Что за странная инсталляция... — пробормотала Алина, машинально прижимая к себе стеклянную награду, словно щит. — Это какой-то частный музей?— Скорее, камера хранения, — раздался негромкий, чуть скрипучий голос из глубины зала.Из-за массивного дубового стола, заваленного стопками картонных папок и перевязанными бечевкой журналами, поднялся невысокий пожилой мужчина. На нем был свободный серый жилет крупной вязки, надетый поверх фла-

нелевой рубашки в мелкую клетку, а на кончике носа держались очки в тонкой металлической оправе. В руках он держал пузатый фаянсовый чайник.— Добрый вечер, — сказал он так буднично, будто Тимур и Алина заходили сюда каждый четверг. — Проходите к столу, не стойте на пороге. Снег нынче сырой, пробирает до костей. Меня зовут Аркадий Петрович. Чаю? С чабрецом и сушеным яблоком, только что заварил.Тимур не спешил подходить. Привычка оценивать обстановку и искать подвох сработала мгновенно: он окинул взглядом высокий потолок, массивные деревянные лестницы на колесиках, приставленные к стеллажам, и отсутствие привычных камер наблюдения или табличек «Выход».— Простите, Аркадий Петрович, — ровно начал Тимур, делая шаг вперед, но оставаясь на расстоянии. — Мы, видимо, ошиблись дверью. На улице висит вывеска «Бюро забытых обещаний». Это арт-пространство? Выставка?— Никакой ошибки, молодой человек, — Аркадий Петрович поставил чайник на круглую пробковую подставку и достал из шкафчика две толстостенные глиняные кружки. — Сюда по ошибке не заходят. Дверь открывается только тем, у кого накопился слишком большой долг перед самим собой.Алина негромко усмехнулась, но смех вышел натянутым:— Звучит как отличный рекламный слоган для психологического тренинга. Только я, честно говоря, не записывалась. И у меня завтра в десять утра важный созвон, мне нужно поймать такси и ехать домой.Она повернулась к двери, за которую они только что вошли, и потянула за медную ручку. Дверь не поддалась. Алина нажала сильнее, потом обернулась на Тимура с растерянной, чуть виноватой улыбкой:— Кажется, замок заклинило.Тимур подошел, попробовал повернуть ручку — она ходила свободно, но тяжелое дубовое полотно стояло так неподвижно, словно за ним была глухая кирпичная стена. Он нахмурился и достал из кармана пальто смартфон, чтобы посмотреть на часы или позвонить, но экран светился ровным серым светом: ни шкалы сигнала сети, ни привычных цифр времени — только замершая на месте секундная стрелка.— Здесь экранирование? — Тимур поднял взгляд на старика. — Послушайте, если это розыгрыш или квест, который заказал кто-то из моих друзей или коллег...— Никто ничего не заказывал, Тимур, — спокойно перебил его Аркадий Петрович, разливая по кружкам темно-янтарный, душистый чай. — И для тебя, Алина, тоже. Идите все-таки к столу. Чай остынет, а разговор у нас не на пять минут.Услышав свои имена, оба замерли. Тимур инстинктивно шагнул чуть вперед, закрывая собой Алину, хотя в безобидном старике в вязаном жилете не было ни капли угрозы.— Откуда вы знаете, как нас зовут? — спросил он тихо, без прежней вежливости.— Из описи, разумеется, — Аркадий Петрович поправил очки и кивнул на два тонких картонных формуляра, лежавших на краю стола. — На каждого жителя любого города здесь заведена карточка. Она пустая, пока человек помнит, зачем живет и чего хочет. Но как только он начинает менять свою жизнь на чужие ожидания, отчеты и вечное «надо», карточка начинает заполняться. Ваши, к слову, сегодня вечером переполнились. Обе. Почти в одну минуту.

Глава 2.

Опись имущества

I

Горячий чай оказался настоящим. От кружки шел густой пар, пахнущий горным чабрецом, сушеными антоновскими яблоками и чем-то неуловимо знакомым из детства — то ли бабушкиной верандой в конце августа, то ли старой дачей, где по вечерам топили печь.Алина сидела на тяжелом деревянном стуле с высокой резной спинкой, грея ладони о глиняные бока кружки, и пыталась уложить происходящее в привычную логическую схему. Ее мозг, натренированный за десять лет в маркетинге искать причинно-следственные связи и проверять гипотезы, отчаянно буксовал.— Допустим, — сказала она медленно, подбирая слова, — вы собрали о нас информацию из открытых источников. Сейчас в сети можно найти кого угодно за пятнадцать минут. Но зачем? Вы не похожи на мошенника, которому нужны наши банковские карты. — Упаси боже, — искренне фыркнул Аркадий Петрович, усаживаясь в свое скрипучее кресло напротив. — Что мне делать с вашими деньгами? Здесь ими даже печь не растопишь, бумага

нынче пошла глянцевая, горит плохо. Моя работа куда проще и куда скучнее: я слежу, чтобы архив не развалился.Он обвел рукой высокие стеллажи, уходящие в полумрак под сводами потолка.— Посмотрите вокруг. Видите эти ящики? В каждом из них лежит обещание, которое человек дал сам себе, но не выполнил. Не обещание начальнику сдать квартальный баланс. Не обещание банку вовремя закрыть платеж. И даже не обещание родным купить новую машину или сделать ремонт. С такими обязательствами вы оба справляетесь блестяще, за это вам смело можно ставить пятерку с плюсом.Тимур, который так и не сел, а стоял у края стола, скрестив руки на груди, сухо усмехнулся:— А что плохого в том, чтобы выполнять обязательства перед близкими и по работе? На этом вообще-то мир держится. Если каждый начнет думать только о своих прихотях, завтра встанут стройки, закроются больницы и начнется хаос.— Верно, — легко согласился старик. — Мир держится на ответственности. Но человек — не бетонная свая, Тимур. Сваю забивают в землю один раз, и она стоит, пока не раскрошится от времени и сырости. А человек устроен иначе. Если он только отдает, только тащит и только терпит, внутри у него образуется пустота. И рано или поздно наступает день, когда ему уже нечего отдавать — даже тем, кого он искренне любит.Тимур промолчал. Слова старика попали точно в ту ноющую точку под ребрами, которую он весь вечер старался не замечать. Он вспомнил пустой офис, погасший монитор и ту ледяную тишину внутри, от которой стало по-настоящему страшно. — Хорошо, — подала голос Алина, глядя прямо в глаза Аркадию Петровичу. — Допустим, мы согласимся с вашей философией. Что дальше? Как отсюда выйти?— Дверь откроется сама, как только вы проведете инвентаризацию, — ответил Хранитель и взял со стола две тонкие папки. — Видите ли, когда человек слишком долго откладывает себя на потом, он перестает узнавать собственные желания. Если я сейчас просто выдам вам ваши ячейки, вы посмотрите на них, пожмете плечами и скажете: «Ерунда какая-то, мне не до этого, у меня завтра созвон и тендер».Он протянул одну папку Алине, а вторую положил на стол перед Тимуром.— Поэтому порядок у нас такой. Сначала вы поможете разобраться с бумагами трем другим посетителям. Чужие истории всегда видны яснее — со стороны сразу заметно, где человек сам загнал себя в угол. А когда научитесь видеть это в других, сможете найти и свои ячейки.— А мое время? — резко спросила Алина, глядя на свои наручные часы, стрелки которых замерли на половине десятого. — У меня завтра встреча, люди ждут, контракты...— Снаружи не пройдет и одной секунды, — мягко сказал Аркадий Петрович. — Для города вы просто шагнули в переулок под мокрый снег. Когда выйдете обратно, на часах будет ровно двадцать один тридцать. Ни один ваш клиент не пострадает, и ни один бетоновоз не опоздает на площадку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.